

результате крушения СССР и фатального поражения в «холодной войне» вакуума *гражданской веры*, подтолкнули массы людей к примитивной религиозности, с одной стороны, и к анархии моральной вседозволенности и социального цинизма – с другой. Сработал старый инстинкт – лучше плохое нечто, чем хорошее ничто. Все это можно понять, но с этим нельзя примириться. Очевидный крен корабля нашей цивилизации требует усилий по его исправлению. И ключевым в решении этой проблемы выступает вопрос о восстановлении нашего ровного отношения к советской эпохе, без крайностей и эксцессов. Все, что было в нашей истории – советской и досоветской, должно быть положено на чашу весов нашей нынешней устремленности в будущее – *без пристрастия и упрёка*. Это тот случай, когда мы либо все целиком принимаем, либо, увы, отказываемся от собственной идентичности.

Литература

1. См.: Жукоцкий В.Д. Образование и религия: уроки русской истории // Наука и религия: проблемы современного гуманизма. Материалы Межрегиональной научной конференции (Нижевартовск, 22 апреля 2003 г.). Нижевартовск, 2003.

2. Замалеев А.Ф. Лекции по истории русской философии. СПб., 1995.

В.И. КОНДАУРОВ

г. Москва

КУЛЬТУРА И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Культура и мировоззрение – это слагаемые одного целого – образа жизни. Они являются слишком важными инструментами ансамбля общественных отношений, чтобы рассматривать их традиционно, как некоторый придаток к экономике или политике. Роль передовой национальной культуры и научного мировоззрения возрастает настолько, что мы в известном смысле должны сказать: они могут оказаться решающими факторами и движущей силой подлинного обновления. Питирим Сорокин справедливо связывал развитие общества с развитием духовной культуры. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что культура – это не только духовное явление, но и вся совокупность общественно-исторической практики, объективированная в виде материальных творений. Равно как мировоззрение – это не только собрание идей о мире вообще, а практическое сознание. Оно определяет глубину, масштабность и направленность духовного развития каждой нации, каждого народа. Бесчисленное повторение тезиса о первичности материального бытия в качестве прописной философской истины не сдвинет общественный

прогресс ни на шаг, если мы не будем развивать, то есть не будем каждый раз искать и находить конкретно-историческую форму единства этих двух великих начал – материального и духовного.

Какова сущность культуры нашего времени, современной российской действительности? Прискорбно сознавать, но это факт: в нашей культуре действуют потребительская тенденция. Являясь преобладающей, она своими корнями уходит в обывательскую стихию, порождаемую идеологией рыночного фундаментализма с его коммерциализацией всего ансамбля общественных отношений. Отсюда – воинствующий культурный меркантилизм, кичливо заявляющий о себе в форме примитивного культурничества, подчиняя все и вся сиюминутной выгоде. Вторая тенденция, связанная с истинным созиданием, скромно живет в качестве самостоятельной общественной силы в живых ростках народного творчества и культурных традициях, не получая, к сожалению, своего должного внимания и признания.

Сущность культуры – в созидании, в ее жизнеутверждающем качестве. Следовательно, развитие общественного самосознания – в русле созидательного начала в культуре, бережное возвращение и пропаганда всего нового и передового в ней только и могут быть действительной предпосылкой общественного прогресса.

Как общественное явление культура необъятна. Вместе тем в каждый исторический отрезок времени у любого народа складываются свои ценности, свои приоритеты, в которых как в глубоком основании, погружаются основные противоречия жизни. К числу непреходящих для всех эпох и в то же время чрезвычайно актуальных на сегодняшний день ценностей относится *историческая память*. В памяти коренится осознание чувства единства человека с собой и с историей. Подобно тому, как в отношении всего живого опыт генетического развития содержится в концентрированной форме в его зародыше, так все многообразие форм культурного развития народов происходит из его исторической памяти как из своего зародыша. Лишите человека памяти, и он перестает быть личностью. Лишите исторической памяти народ, и он в течение жизни двух-трех поколений превратится в механическую сумму индивидов, податливых на любые эксперименты над собой. Исторический опыт и научные знания нужны, чтобы постичь настоящее и определить правильный путь в будущее. История – священная книга народов, подчеркивал Н. Карамзин.

Многое сегодня свидетельствует о том, что отношение к отечественной истории и культуре приобрело характер тенденциозного копания в отходах. Необходима серьезная работа по восстановлению и возрождению ценностей истинных, а не мнимых. Вопрос о том, восстанавливать национальную культуру и историю с научных, жизнеутверждающих позиций, или идти на поводу у тех, кто по выражению Лермонтова, смеются, дерзко презирая «и наш язык, и наши нравы», искажает и фальсифицирует все святое и ценное – вопрос принципиальный. Достаточно привести только один факт. По телевидению, этому самому массовому и обладающему высоким уровнем внушаемости средству массовой информации нередко можно видеть, как отъездившие на патриотических хлебах интеллигенты, с сатанинским блеском в глазах поносят патриотизм, называя это священное чувство народов «последним прибежищем негодяев». И такие «культурологические» изыскания далеко не единичны.

Историзм – это выдающееся завоевание научной мысли. В периоды деформации российской истории, включающего в себя этапы социализма, перестройки, реформ принцип историзма обернулся своей противоположностью – утратой исторической памяти, традиций, мировоззрения. Вследствие чего мы оказались отброшенными от столбовой дороги исторического прогресса и культуры на несколько поколений. В аналогичном положении оказалась и социальная наука. Достаточно признать, что ни наша философия, ни социология за многие годы своего застойного развития не дала миру ни одной конструктивной идеи. Доходило до смешного, когда искусственно созданную концепцию так называемого «развитого социализма» как вершину общественной мысли того времени умудрялись с серьезным видом обсуждать с позиции одной и чуть ли не единственно существующей проблемы, а именно, как правильнее писать – «развитой социализм» или «развитый». Такова нехитрая «методология» дворцовой псевдоучености. И этот процесс продолжается.

Нельзя не видеть, что страна на культурном фронте столкнулась с настоящей интеллектуальной трагедией. Общественное сознание оказалось неспособным к нормальному рождению идей, захлебывается от мертвого царства повсеместного дилетантства, ставшего почти генетическим. Попытка разрушить стену безмолвия и псевдоучености на какой-то период была продемонстрирована в период гласности, однако она вскоре также утратила свою созидательную энергию и направленность. Так процесс

освоения исторической правды стал все больше находить свое выражение в психологии и идеологии скептицизма. Особенно среди интеллигенции и молодежи. Сам по себе скептицизм как способ освоения действительности не страшен. Более того, он, по выражению Иммануила Канта, просто необходим как «привал человеческого разума перед прозрением». Он плох тогда, когда превращается в свою противоположность – в укореняющую тенденцию недоверия к прогрессу вообще. А это значит, что время для оптимизма еще не наступило. Одно дело оптимистически оценивать и воспринимать историю с позиции вновь обретенной национальной гордости за настоящие успехи, и другое – с позиции униженности, испытываемой каждым от сознания того, что успехов этих, в сущности, нет. Необходим исторический прорыв, чтобы сделать оптимистическую тенденцию в общественном сознании реальностью, подлинным элементом отечественной культуры. Вне инициативы народа, его творчества, а также напряжения творческой научной мысли этот прорыв невозможен.

Теоретическим фундаментом культуры, взятой в широком смысле как культура труда, управления, политики, образования, науки и т.д., является мировоззрение. Мировоззрение – это научно-практическое сознание, которое проявляет себя непосредственно в различных формах человеческой деятельности, в поступках человека в качестве его мотивов; оно – духовный фундамент образа жизни, который может расколоться с формально усвоенной системой теоретических знаний. Именно в этом пункте содержится подмена в понимании мировоззрения как истинного, научно-практического сознания и мировоззрения как теоретической конструкции, иллюзии или утопии. Данное явление имеет свои корни, раскрытие которых должно постоянно являться одной из первоочередных задач общественных наук. Ибо нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, если не доискиваться до ее теоретических корней.

Среди отечественных обществоведов, занимавшихся проблемами методологии научного познания и образования, есть одна замечательная фигура – А.В. Потемкин. Почти два десятилетия назад этот ростовский философ защитил диссертацию, посвященную проблемам схоластики и догматизма в общественном сознании. Исследуя так называемую диатрибическую традицию (диатриба по-гречески означает школа, диатрибическая – школярская, учебная), автор доказал, что так называемая учебная философия во все времена, начиная с античности и до наших дней, является в конечном итоге прибежищем схоластики и догматизма, то есть мертвой философией. Она, по образному выражению академика Терентия

Мальцева, подобна учебной винтовке с просверленной дыркой. Можно научиться собирать и разбирать ее, но невозможно применять в бою – она не стреляет. «Стреляет», то есть служит подлинному пониманию действительности и ее преобразованию лишь классическая литература мировой научной мысли. Только с ее помощью можно вооружить свою память знанием все того богатства, которое выработало человечество. Правящие бюрократические кланы, сформировавшиеся в результате деформации, всегда были заинтересованы в том, чтобы максимально выхолостить преобразовательную сторону прогрессивных общественных теорий, оставляя массам право довольствоваться лишь мякиной внешнего познания, внешнего созерцания мира, без попытки проникновения в тайны его изменения к лучшему. Гуманитарные дисциплины, представленные, прежде всего философией, политической экономией и социологией, усваиваемые через конъюнктурные учебники в виде общих схем, эту функцию выполняли наилучшим образом.

Социальные науки живут, пока они связаны с жизнью. Как только эта связь прекращается – они вначале опускают крылья, а затем и вовсе умирают.

В контексте рассматриваемого вопроса непосредственный интерес представляет проблема социального и профессионального в сфере культуры как одной из наиболее близких народному духу областей творчества.

С одной стороны, социальное и профессиональное – это две взаимосвязанные стороны одного и того же процесса творчества. И это положение мало кем оспаривается. Разногласия в науке, да и в жизненной практике начинаются там, когда пытаются определить доминанту в этом взаимодействии. Как известно, уровень подлинного профессионализма измеряется масштабом тех социальных задач, в решение которых профессионал привносит свою творческую сущность. Неважно, в какой области – трудовой, политической, культурной. В этом смысле профессиональное содержание любой формы деятельности тем значительнее, чем шире и полнее представлено в нем общественное содержание. Без должного уровня профессиональной подготовки невозможно передать социальное содержание. Однако есть разное понимание профессионализма и разное понимание индивидуальности, в рамках которого сказанное проявляется. Есть профессионализм, который соответствует мировоззрению так называемой «дурной» индивидуальности (выражение Гегеля), а есть творческий, развивающийся на адекватном ему,

истинно творческом типе личности, то есть творческой индивидуальности. В первом случае профессионализм, или индивидуальность, превращаются в самоцель, в другом -- он выступает как средство развития способностей. Те, кто обладают профессионализмом первого типа, до определенного момента могут не глубиной, а лишь внешней оригинальностью приковывать к себе внимание (на время) узкого круга – профессионалов-любителей. В то время как превращение каждой творческой личности (истинно профессиональной) в социально значимую в том и состоит, чтобы стать полезной и важной для многих, а не только для своею ближайшего окружения. Особенно это касается политики, которая, как известно, начинается там, где речь идет о миллионах. Истинная, то есть творческая индивидуальность тем и отличается от других, что она делает то же самое, что и другие, только лучше других. Это, второе и главное свойство, так сказать, культурного профессионализма состоит в том, чтобы оказывать на людей такое влияние, чтобы оно, во-первых, объединяло их, и, во-вторых, помогало им в новом восприятии действительности, в-третьих, побуждало к ее творческому преобразованию. Точно таким же образом истинная созидательная культура отличается от массовой, потребительской. Первая служит прогрессу, утверждению жизненно важных начал в обществе, вторая подавляет и усыпляет сознание, уводит его от действительности.

Еще Гегель отмечал, что становление личности есть процесс освоения человеком вершин человеческого духа, среди которых он особо выделял искусство, как стержень человеческой культуры. Поскольку последнее наиболее ближе всего массовому сознанию и влиянию на него, то именно в этой сфере как одной из вершин духа, очевидно, и следует искать начало решения той задачи, которая поставлена в контекст нашего времени – формированию Национальной идеи, как идеологического стержня духовности.

Процесс художественного творчества представляет собой разновидность социального творчества. Свобода творчества есть необходимое условие развития духа. И это истина, с которой трудно спорить. Спор возникает тогда, когда пытаются определить роль *идейного* начала в таком творчестве. Одни считают идейную сторону творческого процесса его квинтэссенцией, сущностью, другие полагают, что в век так называемой деидеологизации этим содержанием можно пренебречь. Тут, как правило, смешиваются два понятия: существует ли польза от бездуховных произведений, но несущих в себе печать профессионализма

(технология, мастерство, изысканность методических приемов при достижении цели и т.п.). Если нет, то, как относится к таким явлениям? На наш взгляд, обращаться к бездуховным произведениям ради развития только «исполнительской техники» и удовлетворения мелкой, низкой страсти, которая легко усваивается и потому находит отклик во многих людях – не лучший метод воспитания. Другое дело, нужно ли ограничиваться запретами в отношении жанров и произведений, не удовлетворяющим требованиям идейности? Древние, в частности. Платон, решительно настаивали на запретах в культуре подобных явлений. Как показывает опыт нашего исторического развития, такой способ защиты от бездуховности ненадежен. Именно поэтому подлинный эффект в борьбе против массовой культуры и ее последствий принесут не запреты, а вытеснение ее настоящими, талантливыми произведениями культуры, достойными народного уважения и признания, а не просто любопытства. Самым сильным обличителем серости и пошлости в культуре всегда был только талант. Таковым оно остается и сегодня. Создать необходимые условия для всестороннего и гармонического развития личности вообще, творческой в особенности – важнейшая социально-политическая задача нашего времени.

Для студента гуманитарного вуза не должно быть безразлично, какие вопросы находятся в центре внимания той или иной мировоззренческой науки. Каждому важно понимать, на что после окончания вуза настраиваться, на какие ценности ориентироваться: на погоню за рублем или, опираясь на опыт национальной истории и культуры, развивать все их достоинства на подлинно гуманных, творческих началах. Культура и погоня за рублем, независимо от того, в какой форме это происходит, – понятия несовместимые. Потому и воспитание с позиции научных представлений о гуманизме или конъюнктурно-переходящих, меркантильных ценностей будет иметь различные последствия.

Отсутствие в мировоззрении осознанного и принятого народом идеала, равно как и отрыв идеала от действительности, то есть теории от практики, – одна из существенных причин схоластики и ее постоянного воспроизводства в новых формах, в новых исторических условиях. Научное мировоззрение, возникает из преобразовательной практики и вне такой практики существовать не может.

Мало сегодня сказать, что необходимо связывать теорию с практикой. Мы пытались ее связывать, но с практикой либо вчерашнего дня, либо с умозрительными конструкциями будущего. И из этого ничего не вышло.

Теория должна искать и находить новое в самой жизни, а не за ее пределами, с позиции общественного идеала. Недопустимо путать разные вещи: идеал как неотъемлемый стержень научного, гуманистического мировоззрения и его деформацию, а также действительность, взятую не в ее причудливых и уродливых формах, а ту, что соответствует понятию «закономерности», «необходимости», наконец, жизненности. Совершенно очевидно, что наша действительность во многих своих проявлениях наглядно демонстрирует расхождение с общественным идеалом. Такое расхождение будет иметь место всегда. Однако, одно дело, когда несовпадение идеала с действительностью есть постоянно движущиеся навстречу друг другу процессы, в ходе которых развивающаяся действительность углубляет научные представления об идеале, равно как возвысившейся в своей теоретической глубине и нравственной силе идеал позволяет еще глубже познать самую действительность. Другое дело, когда идеал и действительность движутся в противоположных, расходящихся направлениях, исключая и обедняя друг друга.

Зададимся вопросом: является ли целью нашего общественного развития достижение всеобщего социального равенства и свободы, создание условий для всестороннего и гармонического развития личности, устранения войн из жизни общества и спасение цивилизации от всемирной военной, экологической или космической катастрофы, достижение такого образа жизни, когда лозунг «благополучие для всех» а не отдельно взятых, личностей станет высшей целью научной организации и управления нашим обществом? Ответ большинства будет однозначным. Да, является. Но это и есть содержание общественного идеала, слагаемые современной национальной идеи. Так почему, во имя чего мы должны от нее отрешиваться и подменять мнимыми ценностями? Почему свет солнца должен подменяться его затмением. Такой идеал составляет ядро гражданской идентичности специалиста любой области.

Истины гуманизма взвешиваются на самых точных и беспристрастных весах – на весах истории. Именно потому они являются непреходящими и вечными. В центре гуманистического мировоззрения, его высшей ценностью является человек, гражданин, личность. И именно вложения в человека и социальное государство, а не просто деньги, машины, нефтяные вышки или газовые трубы, то есть не только и не столько продукты так называемого вещного богатства должны определять созидательную энергию. Именно поэтому в составе общественного идеала гуманистическая составляющая, а не какое-либо иное содержание отдельно

взятой «шкалы ценностей» выступает по отношению ко всей остальной системе ценностей в качестве самодовлеющего начала, то есть истинной парадигмой цивилизационной модели развития.

*А. С. ФРАНЦ
г. Екатеринбург*

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В центре внимания российского общества всегда находилась и продолжает находиться духовность человека. Центром же духовности человека традиционно считается его нравственная культура. Нравственная культура в значительной степени влияет на характер взаимодействия людей и определяет качество всех сторон жизни человека, в том числе, и его профессиональной деятельности. Подготовка человека к профессиональной деятельности неизбежно связана с процессом его *самоидентификации*, приобщения к важнейшим социальным, в том числе, и нравственным ценностям.

Ценность нравственной культуры заключается, прежде всего, в том, что в ней складываются и воспроизводятся представления людей *о добре и зле, о нравственном долге и ответственности, о чести и достоинстве, о совести и милосердии, о великодушии и вежливости, о такте и этикете, о дружбе и любви* и многих других нравственных чувствах. Нравственная культура человека определяет характер и форму его отношений к самому себе, к другим людям, к природе, к труду, к Родине, к историческому прошлому своего народа и т.п. Она предоставляет человеку *критерии* оценки им самого себя как человека, как члена семьи, как профессионала, как гражданина и т.п.

На протяжении веков нравственная культура общества складывалась на основе совокупного общественного опыта, позитивные выводы которого принимали форму обычаев и традиций. Как неоднократно отмечено в истории культуры, «понятие о добре и зле вырабатывались... не на основе того, что представляет добро или зло для отдельного человека, а на том, что составляет добро или зло для всего рода» [4. С.77].

Во всем мире первоначально сложилась традиционная нравственная культура. Она определяла и продолжает определять ценность личности человека в соответствии с мерой его *полезности* для общества. В этом контексте не удивительна дискуссия 60-х годов прошлого века о том, кого из утопающих необходимо спасти первым: физика или лирика? Поскольку физики в те времена считались наиболее полезными для